

В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. — М., изд-во «Наука», 1971. 292 стр.

В работе В. М. Солнцева подвергнуты последовательному и тщательному рассмотрению основные проблемы теории языка, взятые, главным образом, в их онтологическом аспекте. На первых же страницах книги автор формулирует свое понимание языка, считая, что «язык представляет собой функциональную материальную систему семиотического, или знакового, характера, функционирование которой и есть ее использование как средства общения» (стр. 4). Можно вполне согласиться с утверждением В. М. Солнцева, что XX в. в лингвистической науке ознаменовался пристальным вниманием к структурным характеристикам исследуемого объекта, а субстанциональные стороны этого последнего оказались, если не забытыми, то во всяком случае отодвинутыми на задний план. Автор книги справедливо считает, что именно идеи Ф. де Соссюра послужили исходным основанием для последующей абсолютизации понятия структуры и приравнивания структуры к самому объекту исследования.

Автор рецензируемой книги стремится сочетать анализ как структуры, так и материальной субстанции языка и для характеристики языка как целостного объекта обращается к общенаучным понятиям структуры и системы в соответствии с их определениями, имеющимися в советской философской литературе. Отмечая, что многие авторы употребляют термины «система» и «структура» как синонимы, а иногда определение системы языка у одного автора оказывается сходным с определением структуры языка у другого автора, В. М. Солнцев принимает положение, что «система есть целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях» (стр. 11). Отсюда следует, что структура является формой организации системы и определяется характером взаимоотношений элементов системы.

Хотя структура не может существовать вне субстанции или элементов системы, но она может быть абстрагирована от субстанции, поскольку, по мнению В. М. Солнцева, «структура есть объект минус составляющие его элементы, или система минус элементы системы» (стр. 26). Подобный подход к представлению о соотношении структуры и системы кажется вполне убедительным и плодотворным потому, что, не отрицая возможности построения из одних и тех же элементов разных систем (т. е. различного структурирования той или иной системы), автор работы показывает, что сами элементы структурно обусловлены и следует проводить различие между материальной субстанцией системы и элементами системы. Под материальной субстанцией языка

В. М. Солнцев подразумевает звуки языка, иногда применяя также термин «звуковые волны» (см. на стр. 30: «Однако все языки имеют одну и ту же материальную субстанцию — звуковые волны»).

Стремясь уяснить механизм использования материальной звуковой субстанции в языке, автор книги оказывается перед вечной проблемой лингвистики — как связано звучание и значение и чем обусловлена их связь. При разрешении этого труднейшего вопроса теоретического языкознания В. М. Солнцев высказывает очень много интересных и правильных соображений, хотя, как нам кажется, полной ясности не достигает. В работе утверждается, что «материальная субстанция языка как вторичной материальной системы представлена звуковой материей» (стр. 41). Однако тут же автор книги оговаривается, что свети понятие субстанции в языке только к звуковой материи нельзя, так как «звуковая материя языка и материальные элементы языка важны для системы языка не столько в силу своих субстанциональных свойств (хотя эти свойства также играют роль в формировании системных отношений, т. е. структуры, по крайней мере на низшем — фонетико-фонологическом — уровне), сколько благодаря тому, что они (материальные элементы) служат средством закрепления некоторых идей и понятий, образующих идеальную систему» (стр. 43).

По мнению автора книги, «единство звукового (материального) элемента и значения (идеального элемента) образует специфическую единицу, или элемент языковой системы» (стр. 43). С этим утверждением вполне можно согласиться, но тогда становится неясным, какую роль играет «звуковая материя языка» (разрядка наша. — В. Я.). Никто не может сомневаться в правильности утверждения В. М. Солнцева, что звуковой элемент сам по себе вне значения и вне определенной функции не является единицей языка, но в таком случае не следует ставить знак равенства между «звуковой материей языка» и «материальными элементами языка» (см. выше цитату на стр. 43), тем более, что на стр. 42 автор книги утверждает, что субстанция в материальных системах существует в виде элементов. Принимая во внимание, что элементы эти — структурно-обусловленные величины (стр. 29), и, следовательно, нельзя их отождествлять с чисто физическими величинами — звуками, остается неясным вопрос, как физическая материальная область звуков приспособляется для того, чтобы стать материальной субстанцией семиотической системы — языка. Путем наделения значением? Но это свойство двусторонней сущности —

элемента языковой системы. Путем структурирования? Но это тоже категория, принадлежащая элементам языка. Зато в работе В. М. Солнцева хорошо показано, почему именно звуки используются для языка, относящегося к разряду вторичных материальных (семиотических) систем.

Автор доказывает, что сложная семантическая информация требует для своего выражения вообще сложной вторичной материальной системы. Высокая дифференцирующая способность звуковой материи и большое количество разнообразных комбинаций, которые могут быть образованы на основе звуковой материи, делают возможным в процессе функционирования языковой системы ее развитие и усложнение. Это проявляется и в сфере значимости (ценности) знака в семиотической системе. Полемизируя с Ф. де Соссюром, утверждавшим вторичность звуков для языка, В. М. Солнцев показывает, что «материальная определенность знака, сохраняющаяся во всех его вариантах, является основой его дифференцирующей способности» (стр. 117). Отсюда следует и важность звуковой материи для языка, так как «дифференцирующая способность языковых единиц зависит от качественной определенности их материальной субстанции» (там же).

Наиболее подробно разработан в рецензируемой книге вопрос о единицах языка. Основываясь на ленинской теории отражения, В. М. Солнцев сопоставляет свойства знака и свойства единиц языка и справедливо отмечает, что «знаковое использование» еще не превращает данный предмет в знак. Термин «знак» автор считает возможным прилагать только к тем предметам, которые обозначают другие предметы не в силу своих природных свойств (это будут лишь признаки других предметов), а в силу наделяемости в процессе своего функционального использования знаковостью с привнесением, следовательно, свойств конвенциональности. Сопоставление слова и знака приводит автора книги к заключению, что слово в целом не есть знак. Слово в определенном смысле мотивировано, потому что как единство звучания и значения слово связано через свое значение обязательной связью с тем или иным классом предметов или явлений. Поэтому, как пишет В. М. Солнцев, «свойством *условности* и *произвольности* обладает только звучание в слове, но не вторая сторона слова — значение — и не слово в целом» (стр. 110). Слово является единицей языка. Единицами языка являются также фонемы и морфемы. Возражая тем лингвистам, которые считают, что односторонность фонемы препятствует ее признанию как единицы языка, В. М. Солнцев справедливо замечает, что односторонность фонемы не лишает ее связи со смысловой стороной языка. Именно фонемы явля-

ются средством дифференциации смысла, фонемы, входя в состав языковых оболочек морфем и слов, участвуют в выражении смысла и поэтому в определенных условиях могут даже превращаться в двусторонние единицы (когда звуковая оболочка двусторонней единицы — морфемы или слова — сведена к одной фонеме).

Отличительной чертой творческой манеры автора книги является сочетание детального анализа разбираемых явлений языка с выделением и обобщением тех черт, которые оказываются в них сходными; поэтому четкость схемы описания фундаментальных категорий языка служит основой для формулирования многих наблюдений относительно того особенного, что свойственно конкретным языкам различных типов и что определяет своеобразие этих языков. Так, например, обращаясь к общей проблеме произвольности связи между знаком и означаемым (стр. 134—135), В. М. Солнцев указывает, что данное явление создает трудности для исследователей изолирующих языков при разграничении знаменательных и служебных элементов, так как в этих языках одни и те же знаки могут использоваться для выражения то знаменательного, то служебного (грамматического) значений.

Автор книги приходит к заключению, что произвольность знака и произвольность связи знака и означаемого реализуются в языках различного типа по-разному и это должно быть учтено при анализе грамматического строя языков. Вопрос о варьировании морфемы (проблема морфов и алломорфов) актуален в первую очередь для флективных языков, которые характеризуются высокой степенью вариативности звуковой формы. Для языков изолирующего типа, в которых звуковой состав фиксируется в замкнутом количестве слогов и в которых морфологическое деление и слоговое деление совпадают по своим границам, вопрос о фонетическом варьировании морфем имеет не первостепенное значение. Отсюда следует, что и проблема отношения «морфема — морф» должна ставиться по-разному для флективных и изолирующих языков (стр. 35).

Интересно и правильно В. М. Солнцев решает проблему отношения общего и особенного в языке, к которой он подходит в ряде мест своей книги. Рассматривая вопрос о варианте и инварианте, он пишет: «Инвариант и вариант представляют собой две характеристики предмета или явления, входящего в некоторый класс. Свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. Вариативность характеризует то особенное, что есть только у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства. Инвариантные свойства пред-

мета представляют собой основу конструирования идеального предмета, в котором сняты варианты черты» (стр. 217).

Из этого рассуждения логически следует, что вариант и инвариант принципиально неомогенные объекты, так как каждый предмет из ряда составляющих данный класс является вариантом по отношению к другому предмету, даже если по тем или иным соображениям этот предмет будет избран как некий эталон, или представитель данного класса предметов. Абстрактный предмет как инвариант гомогенен с конкретным предметом-вариантом лишь в том смысле, что он как бы вбирает в себя те общие черты, которые существуют в каждом отдельном конкретном предмете данного класса. Поэтому В. М. Солнцев приходит к правильному выводу, что «инвариантность существует в предмете как общее в отдельном. Инвариантность и вариантность суть две стороны одного предмета» (стр. 218). Автор книги отдает дань общепринятому сейчас положению о системности языка, но ценным является то, что он не возводит свойство системности в абсолют (как делают многие современные лингвисты) и всегда стремится показать не только отношение элементов языка, но и качественные черты самих элементов.

Разбирая понятие значимости, введенное для характеристики единиц языка Ф. де Соссюром, автор книги справедливо указывает, что, не отрицая самого этого понятия, необходимо помнить, что ограничиться характеристикой единиц языка только как чистых значимостей (ценностей) невозможно, так как значимость зависит не только от соотношения данной единицы с другими единицами — элементами взятой системы, но и от собственных свойств, присущих этим элементам. «Фонема обладает значимостью (ценностью), зависящей от ее места в системе фонем, но эта значимость находится в зависимости и от физических свойств соответствующего класса звуков, репрезентируемого данной фонемой. Эти свойства определяют возможность варьирования в известных пределах, наличие именно этих, а не других дифференциальных признаков и т. д.» (стр. 118).

Вероятно, именно это внимание к качественной стороне единиц языка, определяемое материалистическим подходом к проблемам языка, приводит В. М. Солнцева к важному выводу о наличии двух видов свойств у единиц языка — системообразующих и системоприобретенных. Для системы языка значение единицы дано как системообразующее свойство единицы, а значимость как ее системоприобретенное свойство. В. М. Солнцев иллюстрирует это положение на примере слова: «Значение слова есть, как уже говорилось, отражательная категория... Попадая в систему языка, слово благодаря наличию

у него значения и в силу особенностей этого значения (например, в русском языке в значении слова *баран* отражены только признаки животного, но не кушанья из этого животного) вступает в определенные отношения с другими словами и наделяется системным свойством, которое и есть его значимость (ценность)... По Соссюру, понятия (значения) формируются системой, для нас они результат отражательной (познавательной) деятельности людей. От этого они не становятся ни заранее данными, ни полностью совпадающими в разных языках. Такой вывод, следует сделать из применения принципов теории отражения к анализу значения» (стр. 120).

Ограничения, накладываемые материально-субстанциональными свойствами элементов системы, проявляются, по мнению автора книги, в характере реализации самих системных отношений. Именно поэтому отношения элементов семиотических систем формируются при ведущей роли содержательной (иначе информационной) стороны (стр. 211). Правильным представляется нам утверждение В. М. Солнцева, что «семиотические системы существуют объективно в том смысле, что связи, установленные человеком между материальными элементами семиотической системы и тем, что они выражают, объективируются для данного общества и каждый новый член этого общества воспринимает их как нечто данное ему извне... Таким образом, семиотическая система не только возникает в силу деятельности человека, но и функционирует благодаря деятельности человека» (стр. 22).

Нельзя сказать, что функциональный подход к языку как к семиотической системе особого рода не отражен в работе В. М. Солнцева, но все же вопросам функционирования элементов языковой системы и условиям этого функционирования уделено автором мало внимания по сравнению с вниманием к структурным и смысловым чертам языковых единиц. Может быть поэтому решение проблемы взаимоотношений языка и речи, которой отведен ряд разделов книги, выглядит в трактовке В. М. Солнцева несколько противоречивым. Автор книги утверждает, что в речи дано все, что есть в языке, и язык дан в речи полностью без всякого остатка (стр. 86). «Вместе с тем в речи обнаруживается нечто помимо единиц языка и правил их соединения (комбинирования). Сюда относятся, во-первых, все те реальные комбинации единиц языка, которые составляют речь, как таковую, и, во-вторых, обширная „сверхлингвистическая“ информация о самом говорящем (информация о возрасте, образовании, грамотности, тембре голоса, состоянии здоровья, настроении и т. д. говорящего)» (стр. 142—143). Для этих «статочных» явлений автор книги берет

неудачный термин А. И. Смирницкого (сверхязыковой остаток), но дело не в плохом термине (поскольку спорно, подлежат ли все эти «остаточные» явления компетенции лингвиста), а в том, что речевые произведения как свободные комбинации единиц языка (которые и составляют, по мнению В. М. Солнцева, «самой речь как применение языка» (см. стр. 143) представляют собой «язык в действии». Выходит, что речь — это функциональная сторона, или функциональное назначение языка (см., например, утверждение: «Речевые произведения — это язык в действии, точно так же как сама речь — это язык в своем использовании, т. е. функционирование языка», стр. 143). Но в таком случае лишается смысла исходное определение языка, данное автором книги («...язык представляет собой функциональную материальную систему семиотического, или знакового, характера, функционирование которой и есть ее использование как средства общения», стр. 4), так как функционирование оказывается уделом речи!

Если согласиться с мнением В. М. Солнцева, что «общность функции — номинативная функция — у единиц языка и единиц речи позволяет считать все единицы речи (кроме предложения) потенциальными кандидатами в единицы языка» (стр. 160), то и со стороны речи мало что будет отличать ее от языка, так как свободное комбинирование единиц языка для создания единиц речи ограничено правилами языка. Последнее признает сам автор книги, когда пишет о двойственной и противоречивой природе речевых произведений, которые, представляя язык в действии, слагаются из традиционных элементов — единиц языка, а будучи результатом свободного комбинирования элементов языка говорящим, должны относиться к речи (стр. 144). Однако так как формы комбинирования ограничены существующими правилами языка, то все опять попадает в тот же круг, где вращаются язык и речь с их весьма нечеткими критериями разграничения.

Создается впечатление, что автору книги очень не хочется отдавать речи всю область функционирования (ведь язык был им обозначен как функциональная материальная система), но тогда, вероятно, надо было при анализе единиц и категорий языка больше остановиться на их функциональных характеристиках, а, может быть, и не стремиться рассматривать одни и те же категории то в аспекте языка, то в аспекте речи. Так, указывая,

что в лингвистической науке парадигматику связывают обычно с характеристикой языка, а синтагматику с характеристикой речи, В. М. Солнцев, с нашей точки зрения, правильно указывает, что собственно оба эти вида отношений присущи элементам языка и, следовательно, должны относиться к языку в его двух измерениях: парадигматика для языка как средства вне его функционирования и синтагматика как нереализованная способность элементов языка сочетаться между собой. «Язык как функционирующее средство — в форме речи — переводит присущую элементам способность к линейной сочетаемости в актуальные синтагматические отношения» (стр. 66). Но ведь можно сказать, что в известной мере и парадигматические отношения актуализируются в речи, так как речь не может оперировать тем, что не заложено в фондах парадигматики языка. Если же разделять язык и речь по признаку потенциального и актуализированного (что, с нашей точки зрения, возможно, но вовсе не обязательно), то надо было бы это поддерживать последовательно при решении ряда частных вопросов.

Безусловно, проблема языка и речи относительно одной из самых сложных и запутанных, так как по этому поводу высказывалось много противоречивых суждений, но автор книги не боится спорных проблем.

В книге В. М. Солнцева интересно и полно даны многие животрепещущие задачи лингвистической науки, показаны пути их реализации и подвергнуты острому критическому разбору концепции зарубежных и отечественных языковедов.

Отличительной чертой работы, несомненно являющейся ее достоинством, может быть названо широкое использование не только собственно лингвистической, но и философской литературы, дающее основание автору книги для постановки и решения трудных вопросов теории языка и методологии языковых исследований. Советская и мировая лингвистическая наука обогатилась ценной книгой. Вероятно, не все положения ее автора будут безоговорочно приняты его коллегами, многие вопросы и сам В. М. Солнцев отмечает как подлежащие дальнейшему изучению, но как новое слово в решении фундаментальных проблем лингвистической науки рецензируемая книга должна быть рекомендована всем интересующимся теоретическими проблемами языка.

В. Н. Ярцева